

А. Н. Мосейко¹

РУССКИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Диалог культур в современном мире разворачивается в парадигме *вызова*, формирующейся и постепенно распространяющейся во всем мире глобальной культуры (по происхождению западной и американской), и *ответа* со стороны обществ и культур, которым был брошен вызов.

Наиболее острый характер этот *вызов* приобретает в диаспорах, объединяемых по принципу цивилизационного единства в «миры» (китайский, африканский, русский). Каждый из этих миров представляет культуру страны исхода, однако в силу жизненных обстоятельств диаспоры, находящиеся в различных странах, интегрируют и культуру стран проживания. Нас прежде всего интересует *ответ* русского мира, точнее, реакция на глоболизирующую культуру выходцев из России, живущих в Европе, США, Австралии. С какой культурой они себя идентифицируют?

История русского рассеяния связана со сложнейшими процессами идентификации, имеющими различные формы и пережившими различные этапы развития. Для понимания проблем идентификации эмигрантов, живущих в инокультурном, иноязычном окружении, важной представляется теория диалогизма, разработанная М. М. Бахтиным,

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарное исследование» и др.

который считал, что процесс самоидентификации происходит в оппозиции, диалоге с образом «другого», другой культуры. Диалог культур, идентичностей образов — полифоническое (по терминологии М. М. Бахтина) поле диалога взаимодействующих культур, цивилизаций².

Для русских эмигрантов организация своего «жизненного мира» в недрах иной культуры повседневности — всегда потрясение, культурный шок. Неизбежно разворачиваются процессы аккультурации, которые включают как монологические варианты — *ассимиляцию* (поглощение доминантной культурой) или *сепарацию* (ее полное отторжение), так и их диалогическую альтернативу — *интеграцию*, то есть двойную идентификацию: со своей культурой и (в той или иной мере) с культурой принимающей страны. Последняя является наиболее продуктивной.

Эмигранты послереволюционной волны адаптировались на чужбине чаще всего по типу сепарации. Они стремились в своей повседневной жизни сформировать анклав зарубежной России с единым языком, культурой, бытовыми привычками и формами жизнеустройства. Основой их самосознания была идентификация с многовековой русской культурой, ее неуничтожимыми ценностями. Писатель Б. Зайцев отмечал: «Чем далее идет время, тем сильнее чувствуем мы здесь свое одиночество. Все более уходим душою с чужой землей, возвращаясь к вечному и духовному в России»³.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 29–30.

³ Зайцев Б. Жизнь с Гоголем // Современные записки. Париж, 1935. № 59.

Сохранение духовного наследия русской культуры — эта задача, даже миссия, стала основой самоидентификации русского зарубежья первой волны. Самоидентификация — это всегда выбор, и особенно острым он стал для молодого поколения писателей — эмигрантов первой волны. Они уехали из России детьми, подростками или в очень юном возрасте. Молодые поэты, писатели плохо помнили Россию, у них не было острого чувства необходимости хранить традиции культуры России, жить в постоянном диалоге с Россией, в тени ее постоянного незримого присутствия. Утрата корней приводила к неискоренимому одиночеству. Их не публиковали на русском языке, они не имели своего читателя. Это поколение «молодых апатридов». В. С. Варшавский назвал их «незамеченным поколением»¹, хотя, несмотря на отверженность, одиночество, беспочвенность, большинство из них сумело сохранить в изгнании верность высоким заветам русской культуры, идентификацию с ней. К этому поколению принадлежат писатели Б. Поплавский, В. Варшавский, В. Яновский, В. Сирин-Набоков, Г. Газданов и др.

В идентификации творческой интеллигенции молодого поколения был и другой путь — войти в западную литературу, писать на европейских языках. Но это путь отказа от родного языка и перехода в чужой язык и чужую культуру. Практически это новая идентификация, новое имя, разрыв с Россией (Анри Труайя, Эльза Триоле, Ромен Гари, Питер Устинов, Натали Саррот и др.).

Для эмиграции послевоенной и советской волн в силу различных обстоятельств приемлемой была добровольная культурная ассимиляция в стране проживания, стремление освоиться в господствующей культуре повседневности, по возможности не выделяться из нее. Но так ли просто обстояли дела с внутренней самоидентификацией?

Идентификация — понятие сложное, комплексное, многоуровневое. Оставив в стороне социобиологический уровень (гендерный, возрастной), необходимо обратить внимание на наличие социального, личностного, политического, повседневного-бытового, национально-этнического, культурно-цивилизационного уровней. В статье основное внимание уделяется культурно-цивилизационному уровню идентификации. В процессе адаптации эмигранты полностью интегрируются в социальную среду стран проживания, идентифицируются с ней. Однако в своем личном духовном пространстве, своем жизнеустройстве они сохраняют доминанту русской культуры, идентифицируются с ней.

Информант Ольга — преподаватель университета в Сиднее — рассказала об эмигрантской судьбе своей семьи. Сначала мать Ольги обосновалась в Германии, вышла замуж за немца, после смерти мужа переехала с дочерью в Тунис, где не смогла устроиться. По совету друзей переехала в Австралию, где семья постепенно обустроилась, Оль-

га смогла окончить университет. Ольга — гражданка Австралии, имеет австралийских друзей, любит эту страну, в то же время она является прихожанкой русского православного храма, в семье читают русскую литературу, говорят по-русски. Ольга после пребывания в Москве сказала, что только в России почувствовала себя «дома». Перед нами пример двойной идентификации, особенно характерной для второго и последующих поколений русских эмигрантов.

Психолог М. М. Лебедева в 1991 году во время работы I Конгресса соотечественников провела эмпирическое исследование особенностей самосознания русских эмигрантов первой и второй волн и их потомков. По ее мнению, реальная Россия почти не присутствует в сознании исследуемых, их этническая идентичность базируется на образе иной, идеальной России, причем этот внутренний образ у каждого свой².

Особенно сложны и противоречивы процессы идентификации эмигрантов третьей волны. Некоторые исследователи отмечают характерную для них потребность в «самооправдании» через демонстративное игнорирование России и изменений в ней. В отличие от эмигрантов первой волны, они хотят «страхнуть» с себя все, что напоминает о России, — язык, традиции, образ жизни³. Однако, думается, не все так однозначно. В советской эмиграции после 1970-х годов, получившей название третьей волны, можно выделить две основные категории: национальную (евреи, немцы, греки, выезжающие на историческую родину) и диссидентскую, выезд которой носил протестный характер и был добровольным или вынужденным.

Удивительные сюрпризы преподносят эмигранты-евреи в процессе своей адаптации и идентификации в странах проживания. Они стремятся сохранить культуру страны исхода (СССР, России), считая ее наиболее развитой, духовной, организуют свое жизнеустройство по типу сепарации, более того, они активно распространяют российскую культуру, организуя русские библиотеки, выставки, клубы любителей русской словесности, русской музыки. В Израиле лучшим является Русский драматический театр, сильнейшими специалистами по истории русской, в том числе современной, литературы являются израильские ученые — Р. Глинттершик, Д. Штурман, Л. Флейшман и др. Почти анекдотичным является факт: когда молодые люди (дети приехавших из России эмигрантов) пошли в армию, через два года израильская армия запела русские и советские строевые песни на иврите и русском языке⁴.

Также противоречивыми являются процессы адаптации и идентификации диссидентской эмиграции. Пожалуй, наиболее точно метаморфозы самосознания и самоидентификации диссидента выразил Жорж Нива — известный франко-швейцарский русист, исследователь России и ее верный поклон-

¹ Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 371–373.

² Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев [и др.]. М., 2001. С. 170.

³ Там же. С. 135–136.

⁴ Там же. С. 162.

ник: «Выдворенный из СССР, встреченный и облаканный на Западе как оставшаяся в живых жертва режима, диссидент, не отдавая себе отчета, перешел от блаженства к замешательству, далее — к отчаянию и, наконец, к неприятию мира, в который он попал. Ему трудно было согласиться с “кюстиневским” взглядом на Россию как страну абсолютного рабства и полного отсутствия корней, где нет ни гражданского общества, ни культуры. Изгнанник все чаще сравнивает западную бездуховность с тем самозабвением, которое отличало разговоры друзей и единомышленников... Он собственными глазами видит, что и на Западе власть манипулирует массами... И в один прекрасный день он бросает в лицо остолбеневшему западному миру громкое: “Ненавижу!”»¹.

Процессы идентификации приобретают особую сложность, конгломератность, внутреннюю диалогичность в нашу эпоху, эпоху глобализации культур. Глобализация обуславливает различные формы кризиса идентификации, порождая «личность без принадлежности», когда эмигрант, утрачивая (иногда намеренно) связи с собственной культурой, не способен вписаться в культуру страны проживания. В то же время наряду с тенденцией глобализации и универсализации культуры существует противоположная, диалоговая, тенденция локализации, подъема мультикультурализма, что признает даже убежденный сторонник глобализации Дж. Бхагвати². Следует отметить, что в условиях глобализации стано-

вится заметно все больше явлений «этнокультурного ренессанса».

Эмигранты, их потомки, даже прожившие многие годы в чужих странах, ставшие гражданами этих стран, рано или поздно осознают две важные закономерности: во-первых, этнонациональная культурная идентичность представляет важнейшую часть ядра человеческой личности, основу ментальности, картины мира. В ней заключены базовые ценности и нормы культуры, вырабатываемые тысячелетиями, основы национального характера, о котором писал Д. С. Лихачев³. Утрата этой формы идентичности грозит аномией, серьезными психическими расстройствами. Во-вторых, в эпоху глобализации и универсализации все большую ценность приобретают культурная уникальность, непохожесть на других, те черты национального характера, которые выделяют человека, заставляют обратить на него внимание. Именно этнокультурная идентичность делает современного человека уникальной личностью⁴.

В трудных и противоречивых процессах идентификации, в диалоге с культурами стран проживания интерес к национально-этническим корням своей базовой культуры неизбежно возникает у потомков русских эмигрантов. По свидетельству некоторых исследователей, пик этого интереса приходится на третье поколение эмигрантов⁵, что, бесспорно, свидетельствует о том, что русский мир в его зарубежной части жив, способен к обновлению и обогащению.

¹ Нива Ж. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 288.

² Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М., 2005. С. 148.

³ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.

⁴ См.: Эмиграция и репатриация в России. С. 161–162.

⁵ Там же. С. 176.